

УДК 94(=1.439=161)"1849"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/13

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 г.

**Составление, вступительная статья и комментарии кандидата
исторических наук М.Ю. Дронова. М.: Граница, 2020. 159 с.**

К.В. Шевченко

Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске

Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, 21

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Rusins of the Austrian Empire in diaries and memoirs of the Russian officers – participants of the Hungarian campaign of 1849

**Compilation, introductory article and comments
of M.Yu. Dronov, PhD in History. Moscow: Border, 2020.159 p.**

K.V. Shevchenko

Minsk Branch of Russian State Social University,

21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Революции, прокатившиеся по Европе в 1848–1849 гг., стали мощным катализатором политического и социально-экономического развития государств Центральной Европы, оказав колоссальное влияние и на славянские народы Австрийской империи [2: 72–73]. Для коренного восточнославянского населения Галиции и Угорской Руси – галицких и угорских русинов – революция 1848 г. в известной степени может считаться отправной точкой их национального возрождения, которое в силу ряда факторов началось позже, чем у

соседних западнославянских народов. Существенную роль в становлении национальной идентичности карпатских русинов и культурно-языковой ориентации русинской интеллигенции сыграл Венгерский поход 1849 г., в ходе которого почти двухсоттысячная русская армия под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, выполняя союзнические обязательства России перед Австрией, подавила антигабсбургское венгерское восстание.

Тесные контакты русинского населения Галиции и Угорской Руси с солдатами и офицерами русской армии обнаружили их очевидное этнокультурное, языковое и конфессиональное родство, стимулировав стремительный рост уже существовавших русофильских настроений среди местной интеллигенции. Это, в свою очередь, оказало колоссальное влияние на последующий культурно-языковой облик национального возрождения русинов Галиции и Угорской Руси, надолго предопределив его цивилизационный вектор.

Подготовленный и изданный в 2020 г. известным московским историком-русинистом М.Ю. Дроновым сборник воспоминаний русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 г. об их контактах с русинами Галиции и Угорской Руси представляет собой удачную подборку ценных исторических источников, свидетельствующих о материальном положении, умонастроениях и церковной жизни русинов, а также о сложных межнациональных отношениях в данном регионе Австрийской империи, пропущенных сквозь призму восприятия русских офицеров.

Сборник предваряет обширное введение, в котором его составитель М.Ю. Дронов, констатируя многовековые традиции культурных связей между Россией и русинами Галиции и Венгрии, справедливо замечает, что именно Венгерский поход 1849 г. в наибольшей степени «вошёл в народную память русинов и, как принято считать, даже повлиял на их последующее самосознание» [1: 7]. Перебрасывая мостик в современность, учёный констатирует, что «сегодня основная часть потомков русинов, встреченных армией Паскевича, относит себя в национальном отношении либо к украинцам, либо к четвёртому восточнославянскому народу – карпаторусинам... Так получилось, что, к сожалению, именно на современной Западной Украине... чаще всего встречаются проявления радикального национализма, выраженного в ненависти к России и этническим русским. На волне политической конъюнктуры в массовом сознании планомерно купируются исторические пласты, не вписывающиеся в националистическую парадигму. На этом фоне свидетельства о встречах 1849 г. убедительно опровергают распространённые утверждения о естественном антагонизме русских и украинцев...» [1: 7]. К этой справедливой констатации

можно добавить, что русинское население Галиции и Угорской Руси, не обладавшее в середине XIX в. украинским самосознанием, даже не подозревало, что их потомки несколько поколений спустя окажутся «украинцами».

Практически все офицеры – авторы воспоминаний о Венгерском походе отмечали исключительную доброжелательность галицких русинов в отношении вступившей в Галицию русской армии. Так, М.Д. Лихутин, являвшийся в 1849 г. младшим офицером при штабе 4-го пехотного корпуса, вспоминал: «...простой народ, русняки, встречали русских военных приветливо, радовались нашему приходу и громогласно высказывали надежды на скорое усмирение мадьяров; удовольствие сияло на их лицах. Когда я подходил к толпе мужиков на улице или входил в корчму, передо мной все снимали шапки. Если приближался пан, мужики тотчас надевали шапки и заодно подбочивались. На вопрос мой, отчего они высказывают такое неуважение к панам, они отвечали, что эти... уже не паны им и не стоят никакого уважения» [1: 31].

При откровенно негативном отношении к местной польской шляхте галицкие русины демонстрировали полную лояльность и преданность Австрии и особенно австрийскому императору. По словам М.Д. Лихутина, если в разговоре упоминалось об австрийском императоре, то «крестьяне снимали шапки и говорили о нём с преданностью, с благоговением – австрийское правительство умело привязать к себе простой народ Галиции разными мерами в его пользу» [1: 31]. Примечательно в этой связи, что Лихутину и его коллегам – русским офицерам австрийская Галиция «показалась несравненно богаче, устроеннее и красивее наших соседних губерний: местечки и города обустроены хорошо, улицы вымощены; страна изрезана шоссе; в деревнях избы просторные, чистые, все выбеленные; крестьяне одеты чище и, видимо, зажиточнее, чем у нас. Всё это производило странное впечатление, и невольно являлся вопрос, отчего у нас хуже» [1: 30].

Убедившись в положительном отношении к России и русской армии со стороны местных русинов, Лихутин задал нескольким русинам вопрос о том, не хотели ли бы они присоединиться к России. К его удивлению, ответ был отрицательным – по словам русинов, «у нас лучше. У вас дана большая воля панам и исправникам» [1: 32]. Комментируя данный ответ русинов, Лихутин добавлял, что от знакомых русских офицеров, бывавших в Турции, он слышал, что «даже турецкие славяне, любя нас и желая нам успеха, боялись быть присоединены к России, ссылаясь также на панов и исправников» [1: 32]. Впрочем,

барон А.И. Дельви́г, участвовавший в Венгерском походе, упоминал о русинах, говоривших ему, что они были бы очень довольны, если бы император Николай «забрал Галицию» [1: 85].

Другой русский офицер, прапорщик Камчатского егерского полка П.В. Алабин обращал внимание на то, что далеко не всё население Галиции приветствовало русскую армию. «Нами восхищалась, нами гордилась, торжествовала и ликовала при нашем вступлении в Галицию партия русинов, составляющая три четверти всего населения Галиции», – писал он [1: 54]. При этом, по словам Алабина, некоторые жители Львова демонстративно игнорировали «наше торжественное вступление в их город... приняв мрачный и угрюмый вид» [1: 53]. Наблюдения за галицкими русинами позволили П.В. Алабину сделать вывод о том, что «русский народ в Галиции всё время польского над ним владычества хранил неприкосновенно свои обычаи, свой русский язык, конечно в несколько искажённом виде... но религия его предков исказилась унией» [1: 54]. Анализируя свой опыт общения с русинским греко-католическим духовенством в Галиции, он предположил, что «униатские ксёндзы русинов, может быть, разделяя сочувствие к нам своей паствы, по-видимому, искренно нам преданы. Многие из них приходили поближе познакомиться с нами, откровенно нам высказывая, что они гордятся нами как своими братьями перед немцами и поляками, и сопровождали нас приветами и благословениями...» [1: 54].

Несмотря на в целом слабую информированность о восточнославянском населении Галиции, некоторые из русских офицеров имели определённое представление о научной и культурной жизни галицких русинов, упоминая, в частности, изданные к этому времени галицко-русские литературные сборники, основанную во Львове газету «Зоря Галицкая» и Галицко-русскую матицу во Львове. По словам пехотного офицера М.М. Левченко, «замечательно стремление русинов к образованности... Деревушка, состоящая всего из 45 дворов, просит позволения учредить у себя школу на своём содержании... Главным двигателем русинов к образованности служит, надо сказать к чести его, униатское духовенство» [1: 27].

Вступление в Венгрию и первые контакты с угорскими русинами были особо отмечены в воспоминаниях русских офицеров, т. к. это было связано с преодолением существенного в то время географического препятствия – Карпатских гор, красоты которых не оставили их равнодушными. Угорские русины встретили русскую армию с радостью, энтузиазмом и готовностью оказать помощь, что подчёркивало большинство оставивших воспоминания офицеров. «Руснаки обра-

довались приходу русских и встретили нас с доверчивостью, – писал М.Д. Лихутин. – Толпы их – мужчины, женщины и дети – сбирались к бивуакам войск, приносили всё, чем могли угостить: кур, яиц, молока, масла, и некоторые не хотели брать предлагаемую им плату» [1: 37].

Более близкое знакомство с угорскими русинами и их бытом привело русских офицеров к выводу о близком родстве русинов и населения западных губерний Российской империи. «Родственное сходство с нами заметно во всём. После трёх дней пребывания в Карпатах я мог объясняться с ними довольно свободно, и они понимали меня, – вспоминал Лихутин. – Одевание русинов состоит из белой рубашки и портов, как у наших белорусов... Некоторое носят бурки, заимствованные ими у венгерцев. Ходят большей частью босиком, особенно летом... Их дома снаружи не выбелены, сколочены из толстых брёвен, как в России... Под одною кровлею устроены и разделены стенами жилая комната, иногда две, кладовая, амбар, конюшня и проч. В некоторых избах комнаты внутри выбелены, в большей же части чёрные, и есть даже курные избы с тараканами; пол глиняный. Одежда женщин также похожа на нашу западных губерний» [1: 34]. По воспоминаниям русского офицера барона А.И. Дельвига, после перехода Карпат он был поражен «сходством везших меня крестьян с крестьянами великорусского племени, их лошадей, упряжи и телег с русскими крестьянскими лошадьми... Везшие меня крестьяне были русины, несколько сот лет не имевшие ничего общего с их единоплеменниками в Российской империи, а между тем сохранившие так много с ними общего» [1: 84].

Очень подробно русские очевидцы событий описывали многочисленные насилия, которым в то время угорские русины подвергались со стороны венгерской администрации. По свидетельству Лихутина, «венгерцы били и грабили их, брали деньги, лошадей, волов, хлеб, забирали в рекруты всех, кто попадался, от 15 до 40 лет, остальное же население заставляли работать земляные укрепления... для обороны края от русских; не щадили даже церквей, из которых выбирали золото, серебро и другие более ценные украшения» [1: 35]. Несмотря на своё традиционное смирение и «привычку к мадьярскому игу» угорские славяне «роптали и по мере сил уклонялись от притеснений», но при этом, как замечал русский офицер, «о каком-либо сопротивлении карпатских славян мадьярам не было слышно» [1: 35]. По этой причине, подчёркивал Лихутин, «славяне... ждали нашего прихода как спасения; это говорили все, с которыми мне приходилось иметь сношения. Многие из них перебежали в Галицию, являлись к начальникам австрийских и русских войск и оставались здесь до перемены обстоятельств; втихомолку ловили поляков, которые шли из Галиции

для поступления в венгерские войска, и сдавали их австрийцам и нам...» [1: 35].

Существенное место в своих воспоминаниях русские офицеры уделили размышлениям о причинах столь бедственного и угнетённого положения угорских русинов и их отношениям с мадьярами и немцами. Отличительной чертой подобных размышлений было горячее сочувствие к судьбе своих карпатских соплеменников и разная мера критики в адрес венгерских и австрийских властей.

Так, М.Д. Лихутин полагал, что крайне приниженное состояние венгерских славян, прежде всего русинов и словаков, было вызвано прямым завоеванием местных славян кочевой мадьярской ордой в конце IX в. «Венгерские славяне были покорены, разгромлены и подпали под тяжелое иго, были унижены подавлены нравственно», – констатировал он [1: 41]. Крайнее возмущение Лихутина и других русских офицеров вызывало услышанное ими от мадьяр мнение: «...мы покорили славян силою оружия и имеем над ними право завоевания. Всё, что мы даём им, – наша милость, а не обязанность» [1: 40]. По словам русского офицера, в Венгрии «часто случалось слышать мнение, высказываемое мадьярами и немцами, что владычество их очень полезно славянам, народу грубому, невежественному и безнравственному... Мнение о благотворном цивилизующем влиянии немцев и мадьяр на славян высказывается печатно в немецкой и мадьярской литературах, его придерживаются некоторые учёные люди у нас в России. Высказываемое на месте всякой дрянью, – эмоционально заключал Лихутин, – оно кажется насмешкою над бедственным положением славян и новым оскорблением, бросаемым им в лицо» [1: 41].

Ряд свидетельств русских офицеров отразил и довольно высокие темпы ассимиляции той части русинов, которые жили на равнине в непосредственном контакте с венгерским населением. Так, находясь в селе Бёкёнь (венг. Bököny) неподалеку от г. Дебрецен, русский офицер М.М. Левченко, малорус по происхождению, обратил внимание на восточный церковный обряд венгероязычных жителей этого села, при этом хозяин дома, где он остановился, прочёл «Отче наш» на славянском языке. Позже Левченко выяснил, что все жители этой и ближайших деревень – «малорусы или, как их здесь называют, русняки, но так омадьярены, что только старики помнят родной язык» [1: 22]. В качестве причин столь стремительной мадьяризации Левченко усматривал влияние школы и церкви. По его словам, «в школах, находящихся здесь в каждой деревне, учат по-венгерски, даже в последнее время разосланы по церквям священные книги на венгерском языке, а на славянском запрещено исправлять службу» [1: 22].

Что касается униатской церкви и униатского русинского духовенства, то русские офицеры, с одной стороны, отмечали их бедность в сравнении с римско-католической церковью, с другой стороны, их большое сходство с православным духовенством в России. По словам барона А.И. Дельвига, «у всех церквей, расположенных на большой дороге, стояли священники с причтом, испрашивая подаяние для церквей. Священники униаты были одеты так же, как наши православные, они были в рясах и епитрахиях чрезвычайно бедных. Бедность униатских церквей и духовенства в сравнении с римско-католическими должна была весьма неприятно поражать проезжающего, в особенности православного» [1: 84]. Показательно, что подобные отзывы о крайней бедности униатской церкви и священников в сравнении с римско-католической церковью оставляли и путешественники, посетившие белорусско-литовские губернии до проведения Полоцкого церковного собора и воссоединения белорусских униатов в 1839 г.

Общие итоги Венгерского похода, судя по всему, вызывали не самые позитивные эмоции у русских офицеров, небезосновательно замечавших, что в перспективе они лишь подорвали позиции России. Так, по мнению барона А.И. Дельвига, «наш поход в Венгрию, столь непопулярный в России и столь, по-видимому, успешно оконченный, имел, по моему мнению, самые невыгодные последствия для России. Венгерцы нас возненавидели; славянские племена, обманутые в своей надежде на нашу защиту, стали к нам равнодушнее; австрийцы были недовольны тем, что должны были пользоваться пособием России, и вскоре выказали свою неблагодарность» [1: 85].

При всей обоснованности данного мнения нельзя не заметить, что косвенным результатом данного похода было то, что он способствовал знакомству русской армии с местными русинами и словаками, которые в то время были малоизвестны широкой российской общественности. Что же касается широких масс русинов, то для них опыт общения с русским православным воинством, которое «по-нашему говорит и по-нашему молится», стало своего рода цивилизационным открытием и культурным откровением, оказавшим колоссальное влияние на последующее развитие русинской культуры. Среди русинских детей, приходивших к бивуакам русских войск и с любопытством слушавших разговоры и песни «москалей», был и юный в то время И. Сильвай, впоследствии один из ведущих карпаторусских будителей и убеждённый сторонник русского литературного языка, известный под псевдонимом «Уриил Метеор».

Поколение А. Добрянского, А. Духновича, И. Сильвая и их последователей из числа угрорусской интеллигенции сформировало мощную русофильскую традицию, перед которой длительное время были бессильны глшатаи «украинской идеи» из соседней Галиции. Украинский учёный и культурный деятель из Галиции В. Гнатюк в 1899 г. в чешском журнале «Словански пршеглед» признавал, что отличительной чертой угорских русинов является москвофильство. Описывая угрорусскую интеллигенцию, Гнатюк не без досады отмечал, что «самыми приятными воспоминаниями этих людей являются рассказы о походе русского войска. При этом у них горят глаза, улыбаются уста, озаряются лица... По их убеждению, все славяне должны стать русскими» [3: 220]. Для окончательного выкорчёвывания столь нежелательной для Вены и Будапешта общерусской идентичности русинов австро-венгерским властям в ходе Первой мировой войны пришлось прибегнуть к такому вескому «аргументу», как массовые внесудебные расправы и концлагеря...

ЛИТЕРАТУРА

1. Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров-участников Венгерского похода 1849 года. Составление, вступительная статья и комментарии кандидата исторических наук М.Ю. Дронова. М.: Граница, 2020. 159 с.
2. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX века. М.: Regnum, 2011. С. 72–73.
3. Hnatiuk V. Rusíni v Uhrách // Slovanický přehled. 1899. Ročník 1. S. 218–223.

REFERENCES

1. Dronov, M.Yu. (2020) *Rusiny Avstriyskoy imperii v dnevnikh i vospominaniyakh russkikh ofitserov-uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda* [Rusins of the Austrian Empire in diaries and memoirs of the Russian officers – participants of the Hungarian campaign of 1849]. Moscow: Granitsa.
2. Shevchenko, K.V. (2011) *Slavyanskaya Atdantida. Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX veka* [Slavic Atlantis. Carpathian Rus and Rusins in the 19th – first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.
3. Hnatiuk, V. (1899) *Rusíni v Uhrách* [Rusins in Hungary]. *Slovanický přehled*. 1. pp. 218–223.

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com